

Работа началась совсем недавно, когда трое детей, держась за руки, вошли во двор.

— Учитель, мы пришли!

Услышав их голоса, Нин Гуйчжу поднял голову, велел Сюн Цзиньчжоу продолжать работу, вымыл руки и повёл детей в спальню.

— Сегодня задание будет попроще. Десять раз прочитайте стихи и «Троесловие», которые мы уже проходили, а потом напишите на песочных дощечках по десять крупных иероглифов и оставьте их, чтобы я проверил, когда освобожусь.

Сюн Чуаньшуй поднял руку:

— Учитель, а какие иероглифы писать?

Нин Гуйчжу легонько ткнул его пальцем в лоб:

— Какие хотите, лишь бы всего было десять.

Глаза Сюн Чуаньшуя тут же загорелись, и он радостно воскликнул. По такой реакции Нин Гуйчжу сразу понял, что мальчик уже собрался схитрить и облегчить себе работу. Но сегодня времени действительно не хватало, так что это можно было считать небольшим выходным, и он не стал разрушать детские планы.

Сначала Нин Гуйчжу вместе с ними один раз прочитал стихи и «Троесловие», затем проверил, понимают ли они смысл, и только после этого оставил детей самостоятельно выполнять задание, а сам вышел из спальни.

Увидев, что Нин Гуйчжу вернулся, Сюн Цзиньчжоу спросил:

— Всё в порядке? Может, я один здесь закончу?

— Ничего. Они произносят слова довольно чётко, я смогу слушать, пока работаю.

Сюн Цзиньчжоу не разбирался в занятиях, поэтому, услышав это, кивнул и продолжил работать вместе с ним. Благодаря опыту строительства навеса для мула и купальни коптильня поднималась довольно быстро. Когда бамбуковые стены были установлены, супруги позаимствовали немного сухой травы у Маньтоу, мелко её нарубили, смешали с глиной до густой вязкой массы и начали обмазывать бамбуковые стены.

Лишь ближе к полудню дети закончили писать десять крупных иероглифов и выбежали из

спальни.

— Учитель, тогда мы пойдём играть?

— На гору не ходить и к реке тоже не приближаться.

— Ла-адно...

Они сразу сникли. Детских развлечений и так было немного, а походы в горы и к воде составляли едва ли не главную их часть.

Глядя, как они уходят, у Нин Гуйчжу невольно дёрнулось веко.

— Они обычно действительно ходят куда угодно?

Сюн Цзиньчжоу посмотрел вслед детям и ответил:

— Не волнуйся. Когда с ними Иньинь, они не осмелятся лезть в опасные места. Максимум постоят на краю и посмотрят, а люди, работающие в полях, всё равно за ними приглядывают.

Деревенские дети часто собирались играть вместе, а взрослые, работавшие неподалёку, заодно присматривали за ними.

Услышав это, Нин Гуйчжу снова невольно посмотрел вслед детям, покачал головой и больше не стал развивать эту тему.

— Пойду приготовлю обед. Ты тоже заканчивай, отдохни немного.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу тоже прекратил работу.

Для работников собирались приготовить обед с зерновыми паровыми пампушками. Оставшиеся с утра баоцзы Нин Гуйчжу тоже поставил в пароварку разогреваться. Пока он размышлял, какие блюда приготовить, плотник вместе с сыном подошёл к кухне.

— Сюн-батоу, ворота уже установлены. Не хотите посмотреть?

Услышав его, Сюн Цзиньчжоу вышел из кухни.

— Хорошо. А вы пока отдохните немного. Обед скоро будет готов, поедите перед уходом.

Плотник и его сын переглянулись. Они никак не ожидали, что их ещё и накормят, и после недолгих колебаний не стали отказываться, лишь тихо договорились между собой, что потом помогут собрать деревянный каркас для навеса над стеной.

Нин Гуйчжу вынес им по чашке чая, но не стал задерживаться с гостями. Вернувшись на кухню, он достал немного солений, тщательно промыл их в тазу, затем мелко нарезал и отложил в сторону. После этого отрезал небольшой кусок мяса, вымыл его и нарезал тонкой соломкой. Одного блюда показалось ему недостаточно, поэтому он взял горсть сушёного орляка, положил его в чашку и залил водой, чтобы размок.

Осмотрев новые ворота, Сюн Цзиньчжоу с одобрением сказал плотнику:

— Работа у тебя действительно отличная. Всё подогнано идеально, без единой щели.

Плотник расплылся в довольной улыбке.

— Главное, чтобы Сюн-батоу остался доволен.

Сюн Цзиньчжоу и правда был очень доволен. Он сказал об этом Нин Гуйчжу, затем зашёл в спальню, вынес два ляна и один цянъ серебром и передал деньги плотнику. Из этой суммы два ляна приходились на стоимость самих деревянных ворот. Обычно установка деревянных ворот обходилась не дороже одного ляна серебра, но ворота, заказанные Сюн Цзиньчжоу, были совсем другого уровня. Во всём остальном можно было спорить, но их прочность и устойчивость к ударам не вызывали сомнений. Благодаря этому, если Сюн Цзиньчжоу снова придётся уехать по делам, ему будет спокойнее оставлять Нин Гуйчжу одного дома.

Получив серебро, плотник пребывал в превосходном настроении. Он залпом допил чай из чашки и, не теряя времени, отправился помогать сооружать деревянный каркас навеса над стеной. Обычно для такого навеса каменщики оставляли место, а затем его делали кровельщики. Но как ни крути, работа с деревом была ремеслом плотника, и по скорости кровельщик никак не мог сравниться с настоящим мастером.

Глядя, как каркас быстро принимает форму, кровельщик не выдержал и проворчал:

— Старый лис, работу закончил, домой не идёшь, ещё и мою работу отбираешь?

Плотник весело рассмеялся:

— Хозяева меня обедом угощают. Всё равно без дела сидеть нечего.

Кровельщик:

— ...

Неважно, с какой целью они взялись помогать, но благодаря плотнику и его сыну каркас навеса на вершине стены был собран очень быстро. Уловив доносившийся из кухни лёгкий мясной аромат, плотник с улыбкой остановился у двери и спросил:

— Может, после обеда я заодно и крышу для вашей коптильни соберу?

Нин Гуйчжу улыбнулся:

— Тогда побеспокоим вас.

— Никакого беспокойства, никакого беспокойства.

Напевая себе под нос, плотник отошёл прочь. Со стороны могло показаться, что ремесленники хорошо зарабатывают благодаря своему мастерству, но на деле это были лишь деньги за тяжёлый труд, ведь и древесину, и камень приходилось покупать за свой счёт. К тому же в маленьком селении за месяц выпадало не так уж много заказов, а в обычные дни жить всё равно приходилось за счёт полей. Заработанное бережно откладывали, и позволить себе мясо было непросто. Сегодня ради одной только возможности поесть мяса плотник был готов отработать сполна.

Проводив его взглядом, Нин Гуйчжу тихо сказал Сюн Цзиньчжоу:

— Может, всё-таки дадим старому мастеру ещё немного медяков?

Сюн Цзиньчжоу ответил:

— Не нужно. Я лучше отрежу ещё мяса, и мы приготовим побольше еды.

Нин Гуйчжу немного подумал и кивнул:

— Тогда сделаем по-твоему. Я сварю суп с мясным фаршем, а ты сорви ещё немного зелёного лука. Потом пожарим пару яиц.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу отправился готовить продукты. Он не скрывал, чем занимается, и работавшие наверху люди, увидев это, невольно переглянулись, а затем посмотрели на кровельщика,

стоявшего впереди.

Тот цокнул языком и сказал двоим молодым помощникам:

— Чего замерли? Каркас уже собран, так что и нам стоит пошевеливаться. Сегодня всё закончим.

— Хорошо.

Оба молодых человека отозвались и, подгоняемые обещанием мясного обеда, стали работать заметно быстрее.

Нин Гуйчжу готовил проворно. Нарезанные соленья он обжарил в котле до появления аромата, добавил немного измельчённого сушёного перца, затем выложил туда заранее обжаренные мясные полоски и всё тщательно перемешал. После этого подлил воды, накрыл крышкой и оставил тушиться, пока запах не стал особенно насыщенным. В конце он прибавил огонь, выпарил лишнюю жидкость, переложил блюдо и отставил в сторону.

Затем вымыл котёл, насухо прогрел его, положил животный жир и вылил внутрь приправленную яичную смесь. Когда яйца начали схватываться, смешанный с ними зелёный лук тоже источил явный аромат. Поджарив яйца с одной стороны, Нин Гуйчжу перевернул их, дождался, пока они окончательно схватятся, затем выложил на разделочную доску, нарезал на примерно одинаковые кусочки и переложил в чашку.

Последним блюдом оставался суп с мясным фаршем.

Замаринованный мясной фарш положили в котёл, обжарили до готовности, затем добавили воды и немного проварили - суп был готов.

Нин Гуйчжу посмотрел на обильные, но не слишком большие по объёму блюда и сказал Сюн Цзиньчжоу:

— Может, всё-таки поедим вместе со всеми?

Тушёных солений с мясом было достаточно, чтобы разделить их на две порции, но супа с фаршем и жареных яиц получилось совсем немного, и раскладывать их по двум чашкам выглядело бы несолидно.

Сюн Цзиньчжоу ответил:

— Давай.

Раз уж решили есть вместе, трогать баоцзы было нельзя. К счастью, зерновых паровых пампушек приготовили достаточно. Нин Гуйчжу отдельно выложил баоцзы в сторону, а когда от них перестал подниматься пар, убрал в шкаф.

Сюн Цзиньчжоу понёс блюда в главную комнату, а Нин Гуйчжу достал пампушки.

Когда вся еда оказалась на столе, Нин Гуйчжу расставил чашки и палочки, а Сюн Цзиньчжоу позвал пятерых работавших снаружи:

— Обед готов.

Услышав его, трое спустились со стены, а плотник с сыном тоже отложили работу над крышей коптильни.

Моя руки, плотник между делом заметил:

— Сюн-батоу, вы поставили коптильню здесь, так что, боюсь, скоро вся стена почернеет от дыма.

Услышав это, Нин Гуйчжу выглянул из главной комнаты:

— Мы собираемся обмазать её глиной и снаружи, и изнутри. Разве это не поможет?

Подошедший кровельщик рассмеялся:

— Всё не так просто. Между черепицей на крыше и самой постройкой останутся щели, да и спереди будет открытое место, откуда обязательно пойдёт дым. Глина разве что не даст стене почернеть слишком сильно.

— А-а...

В детстве Нин Гуйчжу жил бедно и не мог позволить себе мясо. Когда подрос и стал покупать его, то относил к соседской тётушке и просил закоптить вместе с её запасами. А когда начал коптить мясо самостоятельно, уже можно было купить готовые закрытые ёмкости. Поэтому настоящую коптильню он и впрямь строил впервые, а все его размышления пока оставались лишь теорией.

Ещё вчера он был уверен, что предусмотрел всё.

Увидев, как Нин Гуйчжу приуныл, Сюн Цзиньчжоу сказал:

— Ничего страшного. В хозяйстве стены всё равно рано или поздно чернеют.

Работники:

— ...

Стоило признать, что после этих слов вся подавленность Нин Гуйчжу мгновенно сменилась беспомощностью. Он слегка сердито посмотрел на Сюн Цзиньчжоу и сказал:

— Давайте скорее есть, а то блюда остынут.

Услышав это, все с воодушевлением вошли в главную комнату. Ещё пока Нин Гуйчжу готовил, до них доносился густой аромат еды, а теперь, увидев заставленный блюдами стол, все наперебой принялись хвалить угощение. Самые обычные домашние блюда они расхваливали так, словно ничего вкуснее не было ни на небе, ни на земле, и Нин Гуйчжу стало неловко. Он только снова и снова торопил их:

— Ешьте. Времени ещё много, наешьтесь и потом отдохните подольше.

Увидев его смущение, все дружно рассмеялись и перестали говорить то, от чего ему становилось ещё более неловко. Когда они расселись, каждому сначала налили по чашке мясного супа. В него добавили лишь соевый соус и немного соли, и в солоновато-свежем вкусе особенно ярко ощущался мясной аромат.

Нин Гуйчжу отпил супа, отломил кусок паровой пампушки, обмакнул в бульон и отправил в рот. Только что вынутые из пароварки пампушки оставались мягкими, а пропитавшись супом, становились особенно сочными и ароматными. Следом он попробовал кусочек жареного яйца: запах зелёного лука смешивался с яичным, а довольно насыщенный солёный вкус прекрасно подходил к еде.

О тушёных с мясом солениях и говорить было нечего. Разварившись до мягкости, они полностью раскрыли свой густой аромат квашения, а стоило подхватить их палочками, как среди них попадались аппетитные полоски мяса. Вкус был поистине превосходным. Даже Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу на время увлеклись едой, не говоря уже о работниках, которые обычно питались куда проще.

Вначале за столом ещё слышались редкие разговоры, но вскоре остался лишь стук чашек и палочек. Наевшись, никто не спешил сразу возвращаться к работе. Сюн Цзиньчжоу принёс всем воды и заодно убрал со стола посуду. Нин Гуйчжу немного посидел, отдыхая, затем взял тряпку, вытер стол и, прежде чем вернуться на кухню, крикнул во двор:

— Саньбао, Сыси, есть!

Котят уже перевели на мясное пюре, и с появлением настоящей сытной еды они перестали так быстро голодать. Нин Гуйчжу понемногу отменял дополнительные кормления, оставляя только завтрак, обед и ужин. Услышав, как человек зовёт их по именам, возившиеся у основания стены котят подняли головы и, перебирая лапками, побежали к нему. Они были совсем маленькими, пушистая шерсть топорщилась во все стороны, и под солнечными лучами котят казались двумя шариками одуванчика с высоко поднятыми хвостами. Они неслись так быстро, что их лёгкие тельца будто слегка заносило, и выглядело это невероятно мило.

Нин Гуйчжу немного отступил в сторону, освобождая им дорогу. Саньбао и Сыси подбежали, мягкими тёплыми боками потёрлись о его голени и, мяукая, юркнули на кухню.

Нин Гуйчжу вошёл следом. Он выложил мясное пюре на бамбуковые дощечки, добавил совсем немного воды и ещё раз размешал, чтобы оно стало более рыхлым. Вскоре по кухне разнёсся чавкающий звук, с которым котят ели. Нин Гуйчжу немного понаблюдал, затем закрепил бамбуковые дощечки, чтобы малыши случайно не перевернули их во время еды, и вышел из кухни помогать Сюн Цзиньчжоу мыть котлы, чашки и прочую посуду.

Пока они убрали, работники в главной комнате уже успели отдохнуть. Поставив рядом с ними чашки, из которых пили воду, они засучили рукава и снова принялись за дело.

До обеда плотник успел собрать часть крыши коптильни, а теперь вместе с сыном быстро закончил оставшуюся работу. Он окликнул стоявших у колодца супругов:

— Сюн-батоу, мы всё закончили, так что пойдём домой.

— Хорошо, будьте осторожны в дороге.

Сюн Цзиньчжоу отозвался, проводил их взглядом до ворот и снова опустил голову, продолжая заниматься делом.

Когда вся посуда была вымыта, а кухня заодно приведена в порядок, Нин Гуйчжу остановился под навесом. Глядя на яркое солнце, он невольно прищурился и почувствовал лёгкую сонливость.

Сюн Цзиньчжоу повернул голову и тихо сказал:

— Иди в спальню, поспи немного. Отдохнём полчаса, а потом продолжим с коптильней.

Нин Гуйчжу отвёл взгляд от солнца, украдкой зацепил пальцами руку Сюн Цзиньчжоу и слегка покачал головой:

— Не надо. Я не так уж и устал, просто немного посижу.

По сравнению с одиноким дневным сном Нин Гуйчжу больше хотелось остаться рядом с Сюн Цзиньчжоу, однако в доме ещё работали люди, и оба они явно не могли одновременно исчезнуть. Сюн Цзиньчжоу крепче сжал его руку и не стал настаивать. Вместо этого он придвинул две скамьи ближе друг к другу, усадил Нин Гуйчжу рядом и сказал:

— Тогда прикрой глаза и обопрись на меня.

— Хорошо, — устало протянул Нин Гуйчжу.

С наступлением лета солнце становилось всё жарче, но рядом рос густой лес. Ветер проходил сквозь деревья и галерею, принося под навес лёгкую прохладу. Супруги сидели, прижавшись друг к другу: один неглубоко дремал с закрытыми глазами, другой рассеянно смотрел вдаль.

Спать сидя было не слишком удобно, поэтому Нин Гуйчжу вскоре проснулся. Даже такой короткий отдых заметно освежил его. Он осторожно поднялся, потянулся и, обернувшись, встретился взглядом с Сюн Цзиньчжоу.

Нин Гуйчжу на мгновение застыл.

— Ты не дышал?

Сюн Цзиньчжоу протянул к нему руку и улыбнулся:

— Мне не хотелось спать.

Его ладонь так и осталась протянутой в воздухе, и Нин Гуйчжу машинально вложил в неё свою руку, тихо пробормотав:

— Всё равно стоило хотя бы немного прикрыть глаза.

Сюн Цзиньчжоу лишь улыбался, ничего не отвечая. Эта улыбка понемногу начала раздражать Нин Гуйчжу. Он выдернул руку и сказал:

— Раз не устал, тогда идём работать. Нужно поскорее закончить коптильню, потом принести сосновых и кипарисовых веток и начать коптить мясо. Иначе завтра уже не будет времени.

— Хорошо, — мягко ответил Сюн Цзиньчжоу и поднялся.

В коптильне оставалось лишь обмазать стены глиной. Сюн Цзиньчжоу ещё дважды сходил за ней, и вскоре они вдвоём покрыли стены и снаружи, и изнутри. Нин Гуйчжу встал у входа в коптильню и, осматривая её, поднял взгляд к крыше.

Сюн Цзиньчжоу подошёл к нему и спросил:

— Что такое?

Нин Гуйчжу поднял руку, указал на треугольный просвет между стеной коптильни и каркасом крыши и, повернувшись к Сюн Цзиньчжоу, сказал:

— Давай заделаем и это место.

Пусть стены всё равно неизбежно закопятся, но если уменьшить количество мест, через которые выходит дым, то и почернеют они не так сильно. К тому же при копчении мяса чем лучше дым удерживается внутри, тем легче добиться хорошего результата.

Сюн Цзиньчжоу взглянул вверх.

— Хорошо. Я схожу за бамбуковыми планками.

— Я с тобой.

Вместе они нарезали множество тонких бамбуковых полосок, переплели их крест-накрест в сетку, затем обрезали один край, придав ему форму подходящего треугольника, и закрепили её под крышей коптильни. На два слоя бамбуковой решётки они нанесли три слоя глины, и толщина этой части сравнялась с толщиной стены.

Когда работа наконец была полностью закончена, Нин Гуйчжу с облегчением выдохнул.

— Как же я устал... Совсем не хочется двигаться.

Услышав это, Сюн Цзиньчжоу повернулся к нему и уже собирался взять его на руки. Но за всё время, что они были вместе, Нин Гуйчжу слишком хорошо научился понимать его намерения. Ещё до того, как тот успел что-либо сделать, он ловко увернулся.

— Пойдём уже, пойдём. На солнце можно сгореть.

Сюн Цзиньчжоу с сожалением опустил руки, бросил взгляд на троих мужчин, укладывавших черепицу на стене, и вслед за Нин Гуйчжу вошёл в прохладный дом.

Поскольку каркас навеса над стеной плотник собрал заранее, трое кровельщиков работали заметно быстрее. Вскоре они уже добрались до ворот.

Осмотрев работу, кровельщик сказал сыну и ученику:

— Вы двое займитесь крышей коптильни.

— Хорошо.

Они принесли лестницу и приставили её к коптильне. Закончив укладывать черепицу над главными воротами, кровельщик спустился по лестнице и несколько раз обошёл двор вдоль стены, внимательно проверяя, как легла черепица. Если где-то замечал недочёт, снова поднимался по лестнице и поправлял его.

Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу отдыхали в доме совсем недолго, когда снаружи послышался голос:

— Сюн-батоу, с черепицей закончили. Выйдите посмотреть.

Супруги переглянулись, один за другим поднялись и вышли из спальни. Оказалось, что готова была не только черепица на стене, но и крыша коптильни.

Нин Гуйчжу восхищённо произнёс:

— Как быстро.

Кровельщик весело улыбнулся:

— Я говорил, что работа займёт больше дня, потому что много времени уходит на каркас. А старый плотник всё сделал за нас, вот мы и управились быстрее.

Вот оно что.

Сюн Цзиньчжоу отправился осматривать уложенную черепицу, а кровельщик, указав на несколько оставшихся в углу двора черепиц, сказал Нин Гуйчжу:

— После работы осталось всего несколько штук. Сохраните их. Если потом какая-нибудь черепица треснет, не придётся снова покупать.

— Хорошо, запомню, — кивнул Нин Гуйчжу и спросил: — Сколько мы вам должны за всю работу?□□

— Черепица дорогая, — ответил кровельщик. — Вместе с работой выходит один лян, семь цзяней и двадцать вэней.

Оплата труда мастеров была на двадцать вэней выше, чем у обычных чернорабочих. На троих

за работу приходилось всего сто пятьдесят вэней, а всё остальное составляла стоимость самой черепицы.

Нин Гуйчжу попросил немного подождать и снова пошёл в спальню за деньгами. После того как они в прошлый раз пересчитали серебро, в сундуке оставалось восемь лян и четыре цян. В последние дни Сюн Цзиньпин и Ван Чуньхуа время от времени приносили им немного медных монет, но вместе это не составляло и одного лян. Зато расходов накопилось немало: книги, бумага с кистями, строительство дворовой стены... Если бы Сюн Цзиньчжоу не принёс жалованье и наградное серебро от начальства, им уже пришлось бы доставать сбережения, спрятанные под кроватью.

Про себя Нин Гуйчжу проворчал, что деньги утекают, словно вода, но, выйдя наружу с серебром, как раз увидел Сюн Цзиньчжоу, входившего через главные ворота. Глядя, как тот идёт вдоль красивой белой стены под новой серой черепицей, он сразу почувствовал себя лучше и перестал так жалеть о потраченных деньгах.

— Вот плата. Проверьте, пожалуйста, — сказал Нин Гуйчжу, положив деньги на стол.

Кровельщик достал принесённые с собой маленькие весы и взвесил кусочек рубленого серебра. Его оказалось чуть меньше полутора лян. Затем он пересчитал лежавшие рядом медные монеты - ровно триста штук.

Отсчитав тридцать монет, он положил их перед Нин Гуйчжу.

— Здесь лишнее, — сказал он и показал весы. — Видите? До полутора лян этот кусочек серебра немного не дотягивает.

Нин Гуйчжу лишь бегло взглянул и кивнул. Память у него была отличная. Он примерно помнил вес каждого куска серебра, который когда-либо сам отрубил, и сейчас расчёт кровельщика почти полностью совпадал с его собственными прикидками.

Рассчитавшись полностью, кровельщик вместе с учеником увёл свою воловью повозку.

Сюн Цзиньчжоу подошёл ближе, быстро поцеловал Нин Гуйчжу и спросил:

— Может, всё-таки купим домой маленькие весы?

Дома своих весов не было. Раньше плотнику и каменщикам они платили целыми серебряными слитками и медными монетами, а теперь подходящая сумма осталась только в виде рубленого серебра, из-за чего расчёты стали гораздо хлопотнее.

Услышав это, Нин Гуйчжу повернулся, ухватил Сюн Цзиньчжоу за щёку и хорошенько её потрепал.

— Размечтался. Не купим.

— Почему? Разве в сундуке ещё не осталось довольно много серебра? — не отставал Сюн Цзиньчжоу, шагая следом.

Нин Гуйчжу тихонько фыркнул.

— Осталось, конечно. Но если бы тебе не выдали жалованье, а начальство не наградило серебром, нам бы сейчас уже пришлось доставать спрятанные сбережения.

Сюн Цзиньчжоу моргнул. Нин Гуйчжу и впрямь было жалко денег. Только что при виде новой дворовой стены у него на душе стало легче, но стоило услышать, что Сюн Цзиньчжоу снова хочет что-то купить, как всякое желание разговаривать с ним пропало. Он молча вернулся в спальню и убрал тридцать медных монет.

Сюн Цзиньчжоу ходил за ним по пятам. Видя, что тот по-прежнему его игнорирует, он наклонился и поцеловал Нин Гуйчжу в щёку.

— Хороший мой Чжу-гер, мы ведь ещё ничего не купили. Ну поговори со мной.

Нин Гуйчжу:

— ...

Он сердито взглянул на Сюн Цзиньчжоу.

— У меня нет времени с тобой возиться. Ещё нужно решить, чему будут учиться семьи дядюшек.

Услышав это, Сюн Цзиньчжоу тут же уселся рядом и засучил рукава.

— Тогда я помогу тебе растереть тушь.

— Эй, только не перепутай работы этих троих. Отнеси песочные дощечки в сторону и поставь там. Завтра мне ещё нужно будет объяснить им ошибки - здесь снова неверно написана черта.

Сюн Цзиньчжоу посмотрел на иероглифы на песочных дощечках. Хотя сам он ничего не понимал, это вовсе не мешало ему презрительно отозваться о малышах:

— Совсем ни на что не годятся.

Нин Гуйчжу посмотрел на него с беспомощной улыбкой.

— Тогда и ты приходи учиться. Посмотрим, насколько ты способный.

Сюн Цзиньчжоу тут же замялся:

— ...Я занят, мне некогда учиться.

А затем, ничуть не смутившись, добавил:

— К тому же у меня есть ты, так что можно не бояться, что я не разберу написанное.

Нин Гуйчжу очень хотелось пару раз стукнуть его.

<http://bllate.org/book/14958/1751510>